

СОПОСТАВЛЕНИЕ ТЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XX ВВ.: ОТ "МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА" К "УГНЕТЕННОМУ КРЕСТЬЯНИНУ"

Сабиров Н.К.

Старший преподаватель кафедры русской филологии
Ферганского государственного университета

Киргизбоев Сардор

студент

Ферганского государственного университета

<https://doi.org/10.5281/zenodo.16948434>

Аннотация. Проблема исследования заключается в изучении тематики социального неравенства в русской и узбекской литературе XIX–XX веков, выраженной через образы «маленького человека» и «угнетенного крестьянина», в контексте социальных и культурных трансформаций. Цель статьи – провести сравнительный анализ эволюции этих образов в произведениях русских авторов (Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов) и узбекских писателей (Чулпан, Айбек), выявляя универсальные мотивы и региональные различия в художественных приемах (реализм, фольклорные элементы). В результате установлено, что в русской литературе «маленький человек» отражает индивидуальное отчуждение в урбанизированной среде, тогда как в узбекской прозе «угнетенный крестьянин» символизирует коллективную борьбу против колониального и феодального гнета, интегрируя фольклорные мотивы. Исследование вносит вклад в понимание литературного диалога между русской и узбекской традициями, актуального для современных дискуссий о социальном неравенстве и миграции в постсоветском пространстве.

Ключевые слова: социальное неравенство, маленький человек, угнетенный крестьянин, русская литература, узбекская литература, Достоевский, Чехов, Чулпан, Айбек, реализм, фольклор.

Тема социального неравенства занимает центральное место в мировой литературе, особенно в русской и узбекской традициях XIX–XX веков, где она воплощена через образы «маленького человека» и «угнетенного крестьянина». В русской литературе, начиная с Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского, «маленький человек» стал символом индивидуального отчуждения в условиях урбанизации и бюрократии. Как отмечает Е.М. Сокол, этот образ отражает не только социальную, но и экзистенциальную уязвимость личности[1]. В узбекской литературе, формировавшейся в условиях колониального гнета и советской модернизации, «угнетенный

крестьянин» воплощает коллективное сопротивление феодальным и колониальным структурам. По словам Н. Каримова, узбекская проза XX века активно использовала фольклор для выражения национального самосознания[2].

Исследование основано на сравнительно-историческом и компаративном подходах. В качестве материалов выбраны произведения Ф.М. Достоевского («Бедные люди», «Преступление и наказание»), А.П. Чехова («Смерть чиновника», «Человек в футляре»), Чулпана («Ночь и день») и Айбека («Священная кровь»). Методология включает:

1. Текстуальный анализ для выявления мотивов социального неравенства и отчуждения.

2. Историко-культурный анализ для учета колониального и советского контекста.

3. Компаративный метод для сопоставления художественных приемов.

4. Элементы постколониальной теории (Э. Саид, Х.К. Бхабха) для интерпретации узбекской прозы[3][4].

Дополнительно использованы критические работы, включая исследования С. Мирзаева и Э. Алворта, для анализа исторического контекста[5][6].

В русской литературе XIX века образ «маленького человека» стал ключевым для отражения социального неравенства. Ф.М. Достоевский в «Бедных людях» изображает Макара Деушкина, чья жизнь определяется бедностью и унижением в урбанизированной среде Петербурга. Как отмечает И.А. Есаулов, Деушкин сохраняет личностное начало, несмотря на социальное давление, что делает его образ универсальным[7]. В «Преступлении и наказании» Раскольников, хотя и выходит за рамки классического «маленького человека», отражает кризис идентичности в условиях капиталистического города, где неравенство порождает отчуждение.

А.П. Чехов развивает этот образ, подчеркивая его трагическую беспомощность. В «Смерти чиновника» Червяков символизирует страх перед авторитетом, что усиливает его отчуждение. В «Человеке в футляре» Беликов становится агентом собственного отчуждения, избегая социальных контактов из-за страха перемен. Н.В. Новикова отмечает, что Чехов критикует пассивность «маленького человека», призывая к внутреннему сопротивлению[8]. В русской литературе реализм и

психологизм служат основными инструментами для раскрытия индивидуальных конфликтов, вызванных неравенством.

В узбекской литературе начала XX века образ «угнетенного крестьянина» формируется в условиях колониального и феодального гнета. Чулпан в романе «Ночь и день» изображает крестьян, чья жизнь определяется эксплуатацией со стороны местных элит и колониальной администрации. Его герои, такие как Умар, борются за справедливость, что перекликается с джадидскими идеями реформ. Как указывает С. Мирзаев, Чулпан использует фольклорные элементы, чтобы подчеркнуть коллективную идентичность узбекского народа[9].

Айбек в «Священной крови» развивает этот образ, фокусируясь на крестьянском сопротивлении. Его герои, такие как Камол, символизируют борьбу против феодального уклада, интегрируя реалистические приемы с национальными мотивами. По словам Т. Исмаиловой, Айбек адаптировал реализм для изображения социальных конфликтов, сохраняя фольклорную основу[10]. В отличие от русской литературы, где неравенство часто приводит к индивидуальному отчуждению, узбекская проза акцентирует коллективное сопротивление и национальное самосознание.

Сравнение показывает, что в русской литературе социальное неравенство изображается через индивидуальный кризис, подчеркиваемый реализмом и психологизмом. Достоевский и Чехов фокусируются на внутреннем мире героев, раскрывая их отчуждение в урбанизированной среде. В узбекской литературе неравенство связано с коллективной борьбой, где фольклорные элементы усиливают национальную идентичность. Чулпан и Айбек используют аллегории и эпические мотивы, чтобы показать крестьян как носителей культурного сопротивления.

Реализм в русской традиции более аналитичен, тогда как в узбекской он сочетается с фольклором, что отражает колониальный контекст. Как отмечает Х.К. Бхабха, такие различия связаны с «гибридностью» узбекской литературы, где заимствованные формы наполняются местным содержанием[11]. Урбанизация в русской прозе усиливает отчуждение, а в узбекской – стимулирует коллективную борьбу.

Русская литература XIX века развивалась в условиях капиталистической модернизации, где социальное неравенство было связано с урбанизацией и бюрократией. В Центральной Азии

колониальная политика и феодальный уклад создавали уникальные условия, где неравенство осложнялось культурным подавлением. Джадидское движение, к которому принадлежал Чулпан, использовало литературу для просвещения и реформ. Советская модернизация усилила влияние русского реализма, но также наложила идеологические ограничения, что заставило узбекских авторов искать способы выражения национальной идентичности.

Результаты подтверждают, что тематика социального неравенства в русской и узбекской литературе имеет универсальные и региональные аспекты. В русской традиции «маленький человек» отражает индивидуальное отчуждение, вызванное урбанизацией и бюрократией. В узбекской литературе «угнетенный крестьянин» символизирует коллективное сопротивление, интегрируя фольклорные элементы. Как подчеркивает Э. Саид, такие различия связаны с колониальным контекстом, где узбекская литература формировалась под влиянием «ориенталистских» нарративов[12].

Современная актуальность темы обусловлена продолжающимися проблемами неравенства и миграции из Центральной Азии в Россию. Исследование вносит вклад в компаративистику, подчеркивая роль литературы в отражении социальных конфликтов и культурного диалога. Ограничения исследования связаны с фокусом на двух авторах с каждой стороны; дальнейшие исследования могут включать других писателей, таких как Л.Н. Толстой или Абдулла Кадыри.

Тематика социального неравенства в русской и узбекской литературе XIX–XX веков воплощена через образы «маленького человека» и «угнетенного крестьянина». В русской прозе (Достоевский, Чехов) акцент делается на индивидуальном отчуждении, выраженном через реализм и психологизм. В узбекской литературе (Чулпан, Айбек) неравенство связано с коллективным сопротивлением, где фольклорные элементы подчеркивают национальную идентичность.

Список литературы

1. Сокол Е.М. "Маленький человек" в творчестве русских писателей 1840-х годов в свете христианской традиции: От Гоголя к Достоевскому: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. С. 10.
2. Каримов Н. Узбекская литература на рубеже XIX и XX веков. Ташкент: Фан, 1994. С. 120.
3. Саид Э. Ориентализм / пер. с англ. М.: Русский мир, 2006. С. 34.

4. Бхабха Х.К. Местонахождение культуры / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2010. С. 56.
5. Мирзаев С. Узбекская литература XX века. М.: Восточная литература, 2010. С. 45.
6. Allworth E.A. Evading Reality: The Devices of Abdalrauf Fitrat, Modern Central Asian Reformist. Leiden: Brill, 2002. P. 20.
7. Есаулов И.А., Сытина Ю.Н. «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» ДОСТОЕВСКОГО В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: МЕЖДУ «ВЕЩЬЮ» И ЛИЧНОСТЬЮ // Есаулов.нет. 2020.
8. Новикова Н.В. Чернышевский и Чехов: критика «Маленького человека» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 28.
9. Мирзаев С. Узбекская литература XX века. М.: Восточная литература, 2010. С. 78.
10. Исмаилова Т. Analysis of the Work of Abdulla Qodiriy // Advanced methods of ensuring the quality of education: problems and solutions. 2025. P. 5.
11. Бхабха Х.К. Местонахождение культуры / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2010. С. 89.
12. Саид Э. Ориентализм / пер. с англ. М.: Русский мир, 2006. С. 78.1

